

Урюпин Игорь Сергеевич

МОТИВЫ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В "ПАВЛОВСКИХ ОЧЕРКАХ" В. Г. КОРОЛЕНКО

В статье анализируется рецепция библейского текста в художественно-публицистическом дискурсе В. Г. Короленко, исследуется мотивно-образный потенциал "Павловских очерков" в контексте нравственно-философских исканий писателя, выявляется степень аутентичности библейского текста в сознании русского человека, толкующего Священное Писание нередко в противовес канону, что демонстрирует писатель в произведении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/58.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 207-210. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

петровского» [Там же, т. 28, кн. 2, с. 206]. Именно сейчас, в 60-е годы, уверен Достоевский, решается судьба России, и потому он, следуя своему представлению о призвании художника, стремится предвидеть ее.

Он показывает, как Россия, заразившись идеями и идеями, вольно или невольно залетающими через окно, двести лет назад прорубленное Петром, искушается мечтой о скором социальном рае и предаст Христа за земное владение. Это так же неизбежно, как и преступление Раскольникова – в России «коммунизм наверно будет и восторжествует, но мигом провалится. Утешения, впрочем, в этом немного» [Там же, т. 24, с. 111]. Сама тяжело заболев нигилизмом и атеизмом, она распространит заразу вокруг себя: «Весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслышанной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу» [Там же, т. 6, с. 419]. Скоро явятся «необыкновенные» люди, уверенные, что они знают путь ко всеобщему счастью и на этом пути они «разрешат своей совести перешагнуть через кровь» разного рода «процентчиков» и угнетаемых ими кротких и безответных «лизавет». Спасти Россию может лишь возвращение к Истине, хранимой православной верой. Преступив через то, что веками считалось добром, отрекшись от Бога и отеческих преданий, Россия всей своей исторической судьбой покажет миру невозможность иного пути, кроме указанного Христом.

Таким образом, основным средством выражения *русской идеи* в романе является система образов, выражающих различные идеи, одни из которых входят в содержание *русской идеи*, а другие – *западной*. *Образный уровень* выражения *русской* (и *западной*) *идеи* дополняется *теоретическим*, состоящим из прямого и косвенного включения в художественный текст фрагментов философских и общественно-политически учений.

Список литературы

1. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: коммент., кн. для учителя / под ред. Д. С. Лихачева. Изд-е 2-е испр. и доп. М.: Просвещение, 1984. 240 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990.
3. Евангелие от Матфея.
4. Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М.: Сов. Писатель, 1970. 447 с.
5. Фридлендер Г. М. Художественный мир Достоевского и современность // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 3-26.

THE RUSSIAN IDEA IN THE NOVEL BY F. M. DOSTOYEVSKY "CRIME AND PUNISHMENT"

Syromyatnikov Oleg Ivanovich, Ph. D. in Philology
Perm Seminary
pani_perm@list.ru

The article is devoted to investigating the means of artistic expression of the Russian idea in the novel by F. M. Dostoyevsky – "Crime and Punishment". The profound analysis of the poetics of the novel allowed the author to draw the conclusions extending considerably the up-to-date conception of the novel. The paper shows that the basic method for representing the Russian idea is a system of images some of which have a complex symbolic meaning.

Key words and phrases: Russian idea; F. M. Dostoyevsky; novel – "Crime and Punishment"; system of images; idea of a piece of literature.

УДК 82.081

Филологические науки

В статье анализируется рецепция библейского текста в художественно-публицистическом дискурсе В. Г. Короленко, исследуется мотивно-образный потенциал «Павловских очерков» в контексте нравственно-философских исканий писателя, выявляется степень аутентичности библейского текста в сознании русского человека, толкующего Священное Писание нередко в противовес канону, что демонстрирует писатель в произведении.

Ключевые слова и фразы: библейский текст в русской литературе; очерк; мотив; образ; религиозно-философский контекст.

Урюпин Игорь Сергеевич, д. филол. н.
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
isuryupin78@mail.ru

МОТИВЫ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В «ПАВЛОВСКИХ ОЧЕРКАХ» В. Г. КОРОЛЕНКО®

«Павловские очерки» (1889-1890) В. Г. Короленко, посвященные весьма злободневному в конце XIX века вопросу проникновения капиталистических отношений в жизнь и быт русской деревни, не без подачи самого автора трактовались исключительно в социологическом ключе (что дало повод В. И. Ленину

ссылаться на это произведение в своей знаменитой книге «Развитие капитализма в России»), отнюдь не ограничиваются сиюминутным общественно-политическим содержанием, за которым отчетливо проступает мощный идейно-этический и даже религиозный подтекст. Нижегородский период в жизни В. Г. Короленко, который справедливо считают «расцветом его творчества, активной общественной деятельности, семейного счастья» [5, с. 359], «можно по праву считать сложным с точки зрения поиска и выработки философских и эстетических принципов, но вполне цельным и законченным этапом становления личности и художественного сознания писателя» [8, с. 110]. Оказавшись в недрах народного мира, с его многовековыми духовно-нравственными устоями, в неизбежности которых не сомневалась консервативная часть русской интеллигенции, В. Г. Короленко вынужден был наблюдать болезненный для деревни (и – шире – для всего традиционного уклада России) процесс утраты «нашей «самобытности»» в результате «вторжения чуждого строя» [7, с. 9] не только в сферу хозяйствования, но вообще – в само национальное бытие.

Оплотом старого, а точнее – старинного, заведенного дедами и прадедами жизненного порядка на Нижегородчине считалось село Павлово, что раскинулось «над Окой, на нескольких горах и по оврагам», знаменитое своими кустарными промыслами и «громдным колоколом, каких не много» было на Руси «даже и в больших городах» [Там же, с. 5]. Но вместо торжественного благовеста павловский колокол издавал жалкие, надтреснутые и хриплые звуки. «Бухает, бухает, а толку мало» [Там же, с. 8], – с сожалением замечал старик, сидевший на скамейке в глубине церковного двора, и в сознании автора вдруг промелькнули картины духовного и физического оскудения крестьянства, оторвавшегося от земли и втянутого в буржуазные отношения, несовместимые с исконной жизнью общины, чуждой какого бы то ни было меркантилизма и индивидуализма. «Неужели это и есть настоящее впечатление, которого я искал?» – вопрошал самого себя герой-повествователь. – «Неужто этот старик, проживавший здесь свой век, сказал правду, и этот грузный, надтреснутый колокол есть настоящий символ, прообраз знаменитого кустарного села?..» [Там же, с. 9]. «Зияющая трещина» действительно оказывается знаком символическим, указывающим на тот изъян в русской жизни предреволюционного десятилетия, который неминуемо приведет Россию к социальной и политической катастрофе, предвещающей «последним глухим хрипом» [Там же] павловского колокола. «Надтреснутый хрип», который издавало «чугунное сердце» [Там же, с. 8] колокола, становясь лейтмотивом очерков, актуализирует религиозно-философский контекст, ведь «в христианской традиции звук колокола оповещает о присутствии Христа» [6, с. 216], о котором вставшие на путь безбожного/бессовестного обогащения купцы-скупщики вспоминают все реже и реже. А между тем, несмотря на «трещину» в бытийно-бытовом укладе самой жизни русского человека, Христос не только «присутствует» в ней незримо, но и освещает ее своим «невечерним» светом – светом путеводной рождественской звезды.

Мотив Рождества и самой рождественской надежды на обновление мира сопутствует в очерках сыну местного почтмейстера Зернову и сыну протопопа Фаворскому, которым с детства претило «тяжелое, надтреснутое павловское буханье» [7, с. 55] и которые по окончании один – технологического института, другой – юридического факультета университета замыслили в родном селе «без окончательной гибели самой кустарной формы» открыть «новый путь» развития павловских промыслов. «Они хотели уничтожить или, вернее, обойти ту стену, которая отделяла мир кустарный от остального божьего мира» – «широкого, разнообразного, заманчивого, с его далекими перспективами, с его изменчивыми запросами» [Там же, с. 56]. «Все способствовало, казалось, практическому начинанию двух идеалистов, потому что в это время, – подчеркивает В. Г. Короленко, – была вера, а формула всякой веры: «на земли мир, в человецех благоволение» – казалась основным законом жизни» [Там же, с. 57]. Однако, с сожалением констатирует автор очерков, для воплощения в действительность прогрессивных идей сельских интеллигентов-мечтателей не хватило именно «благоволения человек»: «кто-то пустил против Зернова «шип по-змеиному» в виде ложного политического доноса», и все оборвалось, «как внезапно лопнувшая струна» [Там же, с. 59]. И хотя «у Зернова не нашли ничего» и «дело Зернова сразу завяло» [Там же], новая, справедливая «философия хозяйствования» в Павлово все же не получила одобрения и воспринималась местными дельцами-скупщиками как интеллигентское «баловство».

Не иначе как «баловством» считал сын разбогатевшего «кустаря Василия Иванова, по прозвищу Дужкин», Дмитрий «все душевные свойства, все побуждения, все невинные глупости, все страсти, чувства, стремления, кроме простейших стремлений к стяжанию богатства, к так называемой экономической выгоде» [Там же, с. 64], ради которой он пренебрегает всем духовным. Представляя в «Павловских очерках» Дмитрия Васильевича Дужкина как воплощение «экономического человека», В. Г. Короленко поднимает чрезвычайно важный вопрос, волновавший русское общество на рубеже XIX–XX веков, о соотношении морали и выгоды, о сущности веры и ее границах, и потому «формула всякой веры: «на земли мир, в человецех благоволение»» [Там же, с. 57] становится мерилем человеческой состоятельности. Слова из рождественского тропаря сопутствуют образу Дужкина, показанному писателем в разных жизненных ситуациях. В начале своего пути, «когда мальчик шагал с детскою беззаботностью за скрипучими возами по широким шляхам» (а «степные шляхи были уже проторены дужкинскими колесами, и вскоре в Польше и в Харькове открылись две дужкинские лавки»), «когда чудные зори умирали за темнеющею степью, когда безбрежный небесный шатер загорался огнями и синяя ночь веяла на землю миром в человецех и благоволением» [Там же, с. 69] (здесь и далее курсив автора – И. У.), формировалось особое, поэтическое мироощущение героя, которое по мере погружения его в меркантильно-коммерческую деятельность было окончательно преодолено: «духовного человека» победил «экономический человек». Уже в юности Дужкин, тяготевавший к искусству, увлекавшийся игрой на скрипке, сдерживал свой безотчетный порыв «в звуках излить неопределенные чувства, теснившиеся в душу, которая невольно раскрывалась навстречу», умерял свой духовный пыл как не подобающий «деловому» человеку, и «теперь Дмитрий Васильевич бесповоротно признал одним баловством: «на земли мир, в человецех благоволение»» [Там же, с. 70].

А спустя годы, по мере развития «дела», «все тот же призыв: *на земли мир, в человецех благоволение*» вообще стал казаться «Дмитрию Васильевичу баловством из самых опасных» [Там же, с. 72].

Задолго до появления романа М. Горького «Дело Артамоновых» (1925) В. Г. Короленко показал процесс духовного оскудения человека, жертвующего своей живой душой новоявленному божеству – Делу. В романе М. Горького пренебрежение *делом* во имя духовного совершенствования, которое избрал для себя Никита, ушедший в монастырь, Петр Артамонов прямо называет «баловством» [3, с. 452]. А между тем Никита и в монастыре призывает к «деятельной» вере, должной утвердить на «земли мир и в человецех благоволение»: «Бог – видит: бездельно веруем; а без дел вера – на что ему? Где наша помощь друг другу и где любовь? И о чем молим? Все о мелких пустяках» [Там же, с. 451]. Но Петру Артамонову слова брата показали всего лишь простым «утешением» для праздных богомольцев, к которому нередко в интересах собственного дела прибегал и он сам, хозяин ткацкой фабрики, обращая свою благотворительность по отношению к рабочим в изощренную для них удавку.

По-своему утешает и мастеров-павловцев Дмитрий Васильевич Дужкин в очерках В. Г. Короленко: умело манипулируя конъюнктурой рынка, в разы сбивая цену на кустарные замки («месяц назад по рублю кои замки покупал, те уж по восьми гривен» [7, с. 78]), богачей-скупщик предстает перед ремесленниками-односельчанами, обреченными на голод, как благодетель, покупая за бесценок произведенный ими товар. Талантливый мастер Иван Михайлов, высоко ценивший свой труд и никогда не уступавший купцам-перекупщикам, пережив «самую коренную нужду», подобную «наказанию Давидову» [Там же] (о котором во Второй книге Царств предвозвестил царю-псалмопевцу пророк Гад: «так говорит Господь: три наказания предлагаю Я тебе; выбери себе одно из них... избирай себе, быть ли голоду в стране твоей семь лет или чтобы ты три месяца бегал от неприятелей твоих, и они преследовали тебя, или чтобы в продолжение трех дней была моровая язва в стране твоей?») (2 Цар. 24:12-13)), идет на поклон Дужкину и молит его о милости («из глаз у мужика слезы ручьем»): «Да что уж! Бери, ради Христа!», и Дужкин «взял! И нужды в тех замках не было, а взял. Потому что, понимаете ли вы это, – замок не нужен, так человек нужен» [Там же]. «Человека я по гроб приобретаю» [Там же], – не без самодовольства заявляет Дужкин, признаваясь в том, что «покупает» человека для его же спасения и мнит себя орудием божественного Промысла: «Ты, говорю, Ваня, понимай! Потому что и в священном писании сказано: богатство порождает добродетель, бедность уничтожает» [Там же]. Апеллируя к Священному Писанию, Дужкин, с одной стороны, оправдывает свое стяжательство, накопление богатства как потенциальную добродетель, реализующуюся в милости к бедным, а с другой стороны – лукавит, потому что нигде в Библии нет и намека на превознесение богатства над бедностью. В ветхозаветной книге Притчи Соломона прямо сказано, что «лучше бедный, ходящий в своей непорочности, нежели [богатый] со лживыми устами» (Притч. 19:1). Единственное преимущество богатого над бедным, говорится в Писании, – «богатство прибавляет много друзей, а бедный оставляется и другом своим» (Притч. 19:4), но «богатство от суетности истощается» (Притч. 13:11) и поэтому априори не может быть гарантом добродетели. Богатство, замечал С. С. Аверинцев в своем слове «На притчу о внезапно разбогатевшем», порождает гордыню и – самое страшное – «иллюзию власти» [1, с. 18], в том числе над другим человеком, которого, как раба или вещь, можно «покорить» и «купить». Это очень хорошо понимает купец Дужкин в «Павловских очерках», кичащийся своим богатством и призывающий к покорности ссылкой на авторитет Библии: «А еще сказано, и ты понимай это правильно: всякий человек должен кому-нибудь покоряться... Понимаешь!» [7, с. 78]. Действительно, в Послании к Титу апостол Павел говорит о необходимости «повиноваться и покоряться начальству и властям» (Тит. 3:1). Однако, подчеркивал прот. В. П. Свенцицкий, разъясняя в самом начале XX века «христианское отношение к власти и насилию», «нужно повиноваться всякому человеческому начальству, но до тех пор, покуда требования этого начальства не противоречат заповедям Христа» (курсив В. П. Свенцицкого – И. У.) [9, с. 168].

Несмотря на то, что в требовании Дужкина о покорности нет ничего противоречащего заповедям Христа, позиция богача скупщика, живущего «по старине» и решительно отвергающего всякую претенциозную «самость» и «свободоупрямство» современного человека, да еще находящегося на нижней ступени социальной лестницы, вызывает у автора недоумение. Демократ В. Г. Короленко в образе Дужкина показывает весьма распространенный тип русского человека на рубеже веков, оправдывающего вековые устои патриархальной Руси Священным Писанием в его домостроевском понимании и в то же время пренебрегающего восходящим к тому же самому Священному Писанию духовным персонализмом (абсолютной ценностью человеческой личности), который консервативному мировоззрению кажется не чем иным, как «баловством». Отсюда скептическое отношение Дужкина ко всем новым формам хозяйствования и новой организации труда: «Товарищества, артели, помощь бедным... – Жуда это вы, господин мастер, спешите?» – «Их в артель деньги получать». За что? Для чего? – Баловство одно! – закончил Дмитрий Васильевич <...> Баловство! Потачка!», а все оттого, убежден Дужкин, что современный человек потерял страх: «А без страха один разврат, непокорство, баловство!» [7, с. 86]. «Страх – начало премудрости, это сказано недаром» [Там же], – заключает Дмитрий Васильевич. Хотя он не называет источник изречения, но в его сакральном происхождении не сомневается. В библейской книге Притчей царь Соломон прямо говорит: «Начало мудрости – страх Господень» (Притч. 1:7), причем не просто страх как «гроза, угроза или острастка; покорство уstraшенного, послушание» [4, с. 336], а именно «страх Господень», ибо страх Божий – это величайшая добродетель, состоящая в «благоговении к беспредельной святости Божией» [2, с. 678], открывающей человеку во всей полноте премудрость земного и небесного мира. Человек, «исполненный страха Божия», замечал арх. Никифор, «почитает гнев Отца Небесного величайшим для себя несчастьем, а потому старается, чтобы не прогневить Его» [Там же]. Лишь в самозабвении, утрачивая «страх Господень», человек впадает в искушения, погрязает в пучину греха, тем самым заслуживая «гнев Отца Небесного».

Христианин Дужкин очень боится этого гнева, но в то же время боится и всякого свободомыслия, всякого новшества, усматривая в нем дьявольское начало, сбивающее человека с веками проторенного отцами и дедами истинного пути. В понимании павловского скупщика страх – это боязнь Божией кары, непременно настигающей гордого, самодостаточного человека, забывающего «свое место». «Потому что богу это не угодно, что человек сам себя от страха освобождает» [7, с. 88]. Последствия такого «освобождения» Дужкин поведал автору в истории «О Мишаньке, праведном стяжателе», который, во всем отказывая себе и своей семье, накопил-таки «настоящую сумму», чтобы пожить «самому себе господином», но в одночасье все потерял: «Вот, говорит, Митрий Васильич, какое дело вышло. Исполнилось по вашему слову, посетил меня господь за грехи: дом сгорел, кузница новая сгорела» [Там же]. А ведь Дужкин предупреждал Мишаньку, вспоминая слова Писания: «Этак же один говорил: – Построю житницы... душе моя, яждь, пей, веселись». А господь слушает да говорит про себя: – Ногоди-ка, гордый человек, я тебя ноне ночью возвеселю» [Там же, с. 87]. Рассказанная Дужкиным в назидание Мишаньке притча восходит к Евангелию от Луки, где Господь поведал об «одном богатом человеке», который, собрав большой урожай, решил: «сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12:18-20).

«Гордый человек», забывающий о тщетности богатства и быстротечности самой жизни, «посещенный Господом» в несчастье своем, прозревает великий смысл ниспосланного ему испытания и становится «*смирненным человеком*», как смиренным человеком стал и Мишанька, прозванный «праведным стяжателем». «О его смирении, о субботних слезах» поведал автор «Павловских очерков», которого поразила судьба этого человека, недавнего богача, жившего «в своем доме, на своей воле», но утратившего все и нанявшегося в униженное услужение к Дужкину. «В субботний вечер, как суета стихнет, рабочие разойдутся, – у него на сердце накипит и подымится» тоска, и тогда ему, дужкинскому сторожу, привыкшему регулярно ходить «к вечерне, да свечечку к образу Михаила Архангела» ставить, ничего не остается, как сидеть «на цепи» и «чужие ворота караулить»: «Вот и сидит, дела справляет аккуратно и плачет...» [Там же, с. 89].

Плач «смирненного человека» вызывает у В. Г. Короленко нравственное содрогание от безысходности существования русского кустаря в условиях новой экономической реальности, бездуховной и жестокой одновременно, провоцирующей подчас эсхатологические страхи и предчувствия. «Я понимал настроение кустарей: ведь здесь для них весь божий мир. А их мир покачнулся и грозит падением. Мудрено ли, что им это кажется чуть не настоящим светопреставлением...» [Там же, с. 98]. «А что я, позвольте сказать вам, Владимир Глахтионич, думаю...» – заявил автору «смирненный человек». – «Я думаю, не те ли времена идут, о коих временах сказано: живые позавидуют мертвым?» [Там же]. Об этих временах предвещает в своем Откровении апостол Иоанн Богослов: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них» (Откр. 9:6). Апокалиптическая тревога павловцев, нагнетаемая к тому же «бухающим колоколом», становится, по мнению писателя, характерной особенностью мироощущения человека рубежа XIX–XX веков, пытающегося в событиях современности разглядеть знаки и символы древних библейских пророчеств.

Библейский текст, привлекаемый В. Г. Короленко в «Павловских очерках», оказывается той «мифотектонической парадигмой» [10, с. 227], которая выражает нравственно-философскую концепцию писателя и определяет художественно-публицистическую стратегию его творчества.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Духовные слова. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2007. 232 с.
2. Библейская энциклопедия / сост. арх. Никифор. М.: ТЕРРА, 1990. 902 с.
3. Горький М. По Руси. Дело Артамоновых. М.: Худож. лит., 1986. 559 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: ТЕРРА, 1995. Т. 4. Н – V. 688 с.
5. Катаев В. Б. Короленко В. Г. // Русские писатели: библиографический словарь: в 2-х ч. / ред.-сост. П. А. Николаев. М.: Просвещение, 1990. Ч. I. А – Л. 430 с.
6. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: Центрполиграф, 2007. 525 с.
7. Короленко В. Г. Собр. соч.: в 6-ти т. М.: Правда, 1971. Т. 5. 528 с.
8. Кудряшов И. В. Особенности художественного сознания В. Г. Короленко в 1885-1896-х годах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2007. № 2. С. 109-113.
9. Свенцицкий В. П. Собр. соч. М.: Дарь, 2010. Т. 2. Письма ко всем: обращения к народу 1905-1908. 752 с.
10. Шурупова О. С. К вопросу о сверхтексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18). Ч. I. С. 225-227.

MOTIVES OF THE HOLY WRIT IN “THE ESSAYS ABOUT PAVLOVO” BY V. G. KOROLENKO

Uryupin Igor' Sergeevich, Doctor in Philology
Elets State University named after I. A. Bunin
isuryupin78@mail.ru

The article analyzes the reception of a Biblical text in the artistic and journalistic discourse by V. G. Korolenko, investigates the image-bearing potential of “The Essays about Pavlovo” in the context of the writer’s moral and philosophical searching, reveals the degree of authenticity of a Biblical text in the consciousness of a Russian often interpreting the Holy Writ in opposition to the canon that is represented by the writer in his work of literature.

Key words and phrases: Biblical text in the Russian literature; essay; motive; image; religious and philosophical context.